

ГУМАНИЗМ И НАУКА

сб. «Искусство и коммунистический идеал» (1984)

1971, выдержки Дятлова Н. С. от 15.03.2016

«идеал» | «идеализм» | «материальное» | «чувственно-воспринимаемое» | «материализм» |
«созерцание»

1. Читатель этой книги познакомился с разными точками зрения по одной из проблем, волнующих в той или иной мере каждого мыслящего человека наших дней. Он стал участником дискуссии. Не нужно быть специалистом-философом, чтобы заметить весьма существенные различия в способах решения вопроса, предлагаемых различными авторами. Попробуем и мы, не претендуя на истину в последней инстанции, высказать свое мнение. Прежде всего сформулируем существо проблемы, над которой так или иначе бьются все авторы книги, несмотря на очевидные расхождения между ними. Это важно, так как иногда в ходе дискуссии утрачивается предмет спора. Начинает казаться, что различные подходы к вопросу — это просто разговоры о разных сторонах или аспектах, а не разные (и даже противоположные) способы решения одного и того же вопроса. И этот один и тот же вопрос надо постоянно иметь в виду в возможно более четкой и острой формулировке. Только тогда и можно судить, следя за аргументацией авторов, на каком пути решение нащупывается, а на каком нет. Иначе получается впечатление, что в одном отношении прав один, в другом отношении — другой, что каждый прав по-своему и каждый по-своему же односторонен, то бишь по-своему не прав. Но истина никогда не рождалась и не рождается путем простого суммирования «разных» аспектов, путем объединения разнородных точек зрения. Что же это за мучающий всех вопрос? Можно ли его сформулировать так, чтобы все спорящие стороны признали в нем общий предмет своих размышлений? Ведь правильно поставить вопрос — значит наполовину на него ответить. Поэтому настоящий теоретический спор всегда начинается по поводу теоретической формулировки.
2. Хорошо, когда согласие в этом пункте имеется с самого начала, в качестве предпосылки дискуссии. По крайней мере надо постараться прийти к нему хотя бы в конце дискуссии. Тогда эта дискуссия будет оправдана в качестве первого цикла обсуждения, а следующий цикл начнется уже на более высоком уровне, на основе ясного представления о том, на чем именно сталкиваются взгляды. Иначе говоря, нужно постараться довести проблему до уровня и до остроты противоречия. Ибо всякая проблема, как учит диалектика, всегда встает в мышлении именно в виде напряженного и неразрешенного противоречия, в виде антиномии. Если на первых порах отставить в сторону чисто теоретические способы выражения проблемы и осознать эту проблему в той форме, которая понятна без схоластических разъяснений терминов всем и каждому, то мы имели бы возможность оценивать точность каждой из теоретических ее формулировок.
3. Ум, попирающий элементарные требования нравственности, кончает как глупый подлец, как подлый глупец, осознавая это невыносимое и для «ума» и для «совести» состояние, до которого он сам себя в силу своего принципа довел... Доверился абстрактному принципу. А тот обманул.
4. Полное решение проблемы, учит марксизм, заключается единственно в том, чтобы «сделать обстоятельства человеческими», организовать всю сумму «обстоятельств» с таким расчетом, чтобы исчезла сама проблема, чтобы никому и никогда уже не приходилось выбирать между требованиями «совести» и доводами «рассудка», чтобы обстоятельства сами диктовали (а «ум» осознавал) действия и поступки, согласующиеся с интересами всех других людей.
5. Совокупность общественных отношений, социальных «обстоятельств», организованная так, называется на языке науки коммунизмом. И коммунизм в этом смысле — единственно возможное и единственно мыслимое теоретически реальное и полное решение сформулированной в заголовке книги проблемы. Эта проблема — лишь одно, лишь частное

выражение фундаментальной проблемы нашей эпохи — коммунистического преобразования всех общественных отношений между людьми. Только на основе ее решения может быть решена в конце концов и проблема (конфликт, противоречие) бесстрастной, очищенной от всяких «сантиментов» научности и гуманизма. Иного решения нет. В противном случае конфликт этот будет становиться все более острым; все резче будут расходиться и затем сталкиваться эти два полярных принципа.

6. Другой полюс — сциентизм (он тоже широко распространен на Западе), то есть принципиальный отказ от каких бы то ни было гуманистических принципов как от «ненаучных сантиментов», как от «поэзии и беллетристики». Сциентизм — это гуманистически выхолощенный «дух научности», превращенный в нового бога, в нового Молоха, которому, если тот возжаждет, надо без колебаний принести в жертву и десятки, и тысячи, и миллионы, и даже сотни миллионов живых людей.
7. Одни хотят решить задачу путем «гуманизирования научного мышления», хотят вооружить теоретически-бесстрастный интеллект «ценностной ориентацией». Другие, напротив, хотят оснастить силой научной прозорливости, мощью теоретического интеллекта гуманистические устремления людей, так сказать, «онаучить» гуманизм. И те и другие с двух разных сторон делают одно и то же общее хорошее дело. Кому не хватает научной грамотности, того надо вооружать наукой, а кому не хватает нравственного начала, того, конечно, надо прежде всего развивать в отношении нравственности (не забывая, разумеется, и научного образования). В одном случае науку придется возвращать на нравственно обработанной почве, а в другом — нравственные принципы внедрять в научно грамотную голову. Обе полярные теоретические установки тем самым оправданны, обе правильны и хороши, но в разных отношениях, по отношению к разным людям.
8. Итак, первое решение: надо онаучивать гуманизм. Второе: надо гуманизировать науку, нацеливать ее на гуманистически благородные цели, «ценности». Попробуем выявить предпосылки, которые предположены и тут и там молчаливо (по-научному — имплицитно) и приняты без рассмотрения, как нечто само собой разумеющееся. Не скрыто ли подлинное — диалектическое, а не словесное — противоречие именно там?
9. Первое решение, делающее упор на научное оснащение людей (как ученых, так и неученых), исходит, как нам кажется, из того молчаливо предположенного представления, будто большинство людей в нравственном отношении уже совершенны настолько, что остается только вооружить их аппаратом научных понятий, грамотностью — средством осуществления заранее известной цели.
10. Второе, напротив, предполагает, что в отношении науки люди (по крайней мере люди науки) уже вполне достигли вершины и если чего-то им иной раз недостает так это столь же ясной и непротиворечивой «шкалы ценностей», некоторого нравственного (а строже говоря — морального) регулятора. Вооружи ученого шкалой «ценностных ориентиров», и все будет в порядке, и наука станет приносить людям добро и счастье и никогда — ни бед, ни зла....
11. Теоретическое понимание того отношения, которое существует между «научностью» или «нравственностью», не может поэтому ни рассматриваться на таких исключительных случаях, ни ориентироваться на них. Теоретическое понимание может быть получено только на анализе массовых явлений и должно годиться для решения массовых же случаев и проблем. А если так, то и оба полярных решения проблемы в целом, обрисованных схематично выше, представляются несовершенными.
12. А «ценности» по самой сути этой категории трактуют не о том, что «есть», а о том, что «должно быть». Это, скорее, идеалы, мечтания — высокие или низкие, благородные или корыстные. Во всяком случае, это критерии субъективной оценки чисто объективных, наукой описываемых обстоятельств, вещей, ситуаций, событий и т. д. и т. п..
13. В своей классически ясной и последовательной форме такое отношение между «чистым разумом» и «голосом совести» как между двумя одинаково важными, но принципиально разнородными способами осознания мира явлений представлено в философии Иммануила Канта.

14. Наука бесстрастно описывает то, что есть, и теоретический разум, остающийся «чистым», не имеет ни права, ни силы судить о том, «хорошо» оно или же «плохо» с точки зрения «блага рода человеческого», его «самоусовершенствования». Именно поэтому Кант посчитал, что «чистый разум» должен быть дополнен абсолютно независимым от него, автономным моральным регулятором — «категорическим императивом», который научно ни доказать, ни опровергнуть нельзя. Его можно и нужно принять на веру. Без слепой веры в этот моральный регулятор «чистый» (научно-теоретический) разум с одинаковой легкостью будет служить и добру, и злу — сам по себе он на все способен и в борьбе добра со злом нейтрален. Реально это значило: на научное мышление ученого следует наложить узду моральных ограничений. С помощью такой узды мораль и будет управлять наукой, направлением ее поисков.
15. Проблема возникает там, где рассудок и мораль, наука и нравственность сталкиваются в противоречии, в неразрешимой антиномии, там, где они требуют от человека прямо противоположных решений. В таких случаях Кант и предоставляет право окончательного приговора, последнего решения о том, что правильно, а что неправильно с высшей точки зрения, именно моральному принципу. Теоретически эта позиция обосновывается у Канта тем, что рассудок (научно-теоретический интеллект) принципиально не способен учесть всю бесконечную полноту условий решения задачи, а «голос совести» каким-то чудодейственным способом эту абсолютную полноту бесконечного ряда схватывает интегрально, сразу, без аналитического копания в подробностях. Поэтому если рассудок входит в конфликт с голосом совести, то это означает, что он не учел чего-то очень важного, чего-то такого, что в конце концов, вынырнув из тьмы непознанного опрокинет его расчеты.
16. Но может быть, проблема решается как раз наоборот? Не науку следует объявить служанкой морали (формой реализации моральных устремлений), а, напротив, мораль объявить способом воспитания в человеке научно доказанных принципов поведения, то есть науку наделить правом управлять моралью и тем самым мораль превратить в производную от «чистого разума» форму психики. Тогда моральность — по своему существу и по происхождению — это та же самая наука, только высказанная языком императивных (а не объективно констатирующих) предложений.
17. Скажем, наука установила, что «природе человека» свойственны определенные характеристики. Мораль переведет это на свой язык так: «Ты человек, посему делай то-то и то-то». Мораль будет отличаться в таком случае от научного мышления исключительно лингвистически, исключительно императивной формой предложений, высказывающих те же самые, что и наукой установленные, истины. Моральность тут станет формой осуществления научности.
18. Это было бы очень хорошее решение. Но при одном условии: если бы понятие (наука) было бы и в самом деле абсолютным в смысле непогрешимости, безошибочности. Короче говоря, если бы научное понятие и в самом деле обладало всеми теми божественными совершенствами, которые ему приписали в свое время Платон и Гегель. Гегелевская «абсолютная идея», по сути дела, не что иное, как «обожествленное научное понятие», не что иное, как наука, которой приписаны все атрибуты как ортодоксально-христианского, так и реформированного на морально-кантовский лад господина бога. Это наука, заместившая вакантное место бога, а потому и наделенная всеми его достоинствами и заслугами.
19. Наука — вещь прекрасная, надеемся, что читатель не заподозрит нас в неуважении к ней. «Обожествленная наука» (обожествленное понятие), как и все обожествленное, — уже нечто другое. Она (разумеется, не сама по себе, а в лице своих полномочных представителей) начинает мнить себя творцом не только морали, а и права, и политических систем, и всемирно-исторических событий, и городов, и храмов, и статуй, и вообще всего человеческого в человеке и в истории человечества. На историю «обожествленное понятие» начинает смотреть как на свое произведение, как на свое творение, как на сотворенный его всемогуществом, его творческой мощью «эмпирический мир».
20. Ежели абсолютное понятие провозгласит устами своих жрецов, что люди уже отслужили свою службу абсолюту и он решил создать себе более совершенные орудия своего воплощения — скажем, мыслящие машины, искусственный разум, более совершенный, чем мыслящий мозг

человека, — то они и этому повелению абсолюта должны безропотно покориться и принести себя в жертву, осознав свое несовершенство, свою греховность, свою биологически-врожденную ограниченность и уступив место на земле мыслящим машинам умнее человека. Такова законченная, до конца доведенная логика обрисованной нами позиции.

21. Ибо божеств нет без убожества.
22. Наука, будучи обожествлена, становится не только деспотичной и нетерпимой, но и крайне несамокритичной. Разумеется, не сама по себе — сама по себе она лишена сознания и воли, — а в лице своих полномочных представителей, в лице отдельных, иногда даже очень авторитетных ученых. Ведь они же выступают при этом не от своего личного имени, а от имени науки. А науку люди уважают, и потому иногда «от имени науки» по свету начинают гулять высказывания и идеи, не имеющие ровно ничего общего ни с гуманизмом, ни с подлинной научностью.
23. Еще хуже, когда от имени науки начинает вещать какой-нибудь оголтелый сциентист, морально неполноценный субъект. Когда мистер Трумэн повелел бросить бомбу на Хиросиму, одному ученому-технику и этого показалось мало. Он внес предложение сжечь Хиросиму еще «научнее», а именно сначала спустить над городом разноцветные осветительные ракеты, чтобы жители города стали смотреть на любопытное зрелище, и уж тут взорвать атомный заряд. Чтобы все любопытные еще и ослепли. Тогда «физический эксперимент» был бы, по его мнению, еще полнее и еще блистательнее, продемонстрировав миру «силу американской науки». И гитлеровские душегубки спроектировали и построили тоже ведь ученые-конструкторы.
24. Высшей «ценностью» в шкале всех ценностей человеческой цивилизации не может быть ни мораль, ни наука. И мораль и наука были, есть и остаются лишь средствами, лишь орудиями, лишь инструментами, которые создал человек для себя, для увеличения своей власти над природой, для увеличения меры человеческого счастья. И если наука и мораль начинают вместо этого служить, наоборот, угнетению, калечению, уродованию, а то и уничтожению живых людей, то есть превращаются не только в антиподов, но и в смертельных врагов гуманизма, то для марксиста это прежде всего свидетельство античеловеческого, антигуманного характера той системы отношений между людьми, которая вот так извращает отношения между наукой, моралью и человеком. Под «человеком» тут имеются в виду массы людей, большинство людей, которое состоит из трудящихся как на поприще физического, так и на ниве умственного труда, а не абстракция «человека вообще».
25. Но одно дело — уважение, а совсем другое — обожествление, из которого логически следует взгляд на «человеков» как на такой же «материал» и «сырье» научного производства, как и на любой другой естественноприродный материал. Для сциентизма как раз такой взгляд на человека и характерен. Сциентизм есть поэтому современная форма антигуманизма. С точки же зрения марксистско-ленинского миропонимания наука по существу своему (а не в тех извращенно-отчужденных ее образах, в которых она сплошь и рядом выступает в буржуазном обществе) есть форма реализации гуманизма. Не того абстрактного гуманизма, который рисует иконописный лик «человека вообще» и молится ему, обожествляя его так же, как сциентизм обожествляет науку, а марксистского гуманизма, который исходит из исторически назревшей (и научно выясненной) потребности всестороннего развития большинства (в пределе — всех без исключения) людей.
26. Поэтому подлинная наука и подлинно высокая нравственность не могут не совпадать в самом своем существовании, не могут противоречить друг другу.
27. Ведь наука (не в целом, то есть не вся совокупность наук о природе и человеке, а именно отдельная наука, отдельная теория), а еще точнее, ученые, говорящие от ее имени, могут ведь и ошибаться, и даже весьма крупно. И если отдельная наука вдруг выдвигает концепцию и вытекающие из нее рекомендации, которые непосредственно идут вразрез с принципами гуманизма, с принципами нравственности, то у нас есть все основания полагать, что в данном случае высшая правда все-таки за нравственностью, что заблуждается тут данная наука. В таком случае эту непогрешимую богиню полезно подвергнуть критическому анализу с точки зрения ее собственных критериев.

28. А между отдельной наукой (теорией) и гуманизмом вполне возможен конфликт. И решать это противоречие в пользу данной теории и ее «непогрешимых формул» было бы по меньшей мере неосмотрительно. Нужно сначала разобраться, в чем причина конфликта.
29. Именно так обрисовал отношение между «научной правильностью» и «нравственным самосознанием масс» Фридрих Энгельс, отмечавший, что в науке недопустимо опираться на аргументы от морали, обосновывать положения доводами «нравственного чувства». *«Поэтому Маркс никогда не обосновывал свои коммунистические требования такими доводами. <...> Но что неверно в формально-экономическом смысле, может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым. Позади формальной экономической неправды может быть, следовательно, скрыто истинное экономическое содержание».*
30. «Нравственное чувство масс» оказывается правым против «строгой науки», не успевшей еще разобраться сути дела, именно потому, что эти массы реально зажаты в тиски противоречия между двумя категориями упрямых фактов. А тут и заключается «суть дела». Иными словами, «нравственное чувство» — гуманистически ориентированное сознание — выражает в данном случае наличие реальной проблемы, которую надо решать и теоретически и практически, наличие реального социального противоречия, из которого и надлежит научно искать выход.
31. Основной нравственный пафос «Капитала» вполне точно выражается тезисом подлинного гуманизма: Человек, живой Человек, а не деньги, не машины, не продукты и не любые формы «вещного богатства» есть высшая ценность, есть создатель-субъект всех «отчужденных» от него форм. Если этот «нравственный» принцип из «Капитала» изъять, объявив ненаучным, то развалится и вся научная логика гениального произведения. В самом деле, можно ли чисто «логически» обосновать тот тезис, что труд человека создает стоимость, а работа осла, хотя бы он и выполнял абсолютно ту же самую работу, никакой новой стоимости не создает?
32. <...> научный коммунизм, во-первых, ориентируется на человека как на высшую ценность, только человека, понимаемого не абстрактно, а как реальное большинство трудящихся людей, на их общие коренные интересы; во-вторых, он весь, от начала до конца, представляет собой практически-конкретную программу реализации именно так понимаемого гуманизма.
33. Одно дело — понимать, что насилие и убийство — неизбежные, вынужденные крайними обстоятельствами смертельной борьбы классов действия, к которым революционеру приходится прибегать, сознавая всю их бесчеловечность, и совсем другое — смотреть на них как на самые лучшие, верные и даже единственные способы учреждения «счастья» на земле. И Маркс и Ленин считали насилие и репрессии нравственно оправданными только самыми крайними обстоятельствами и в самых минимальных масштабах.
34. Коммунисты, учил Ленин, в принципе против всякого насилия над живыми людьми и идут на него только в том случае, когда оно навязывается им подлинными любителями насилия, насильственного навязывания большинству людей чуждой им воли. Насилие оправдано единственно как способ противодействия насилию, как насилие над насильниками, а не способ управления волей трудящегося большинства.
35. Проблема отношения между нравственностью и научностью решена философией марксизма только в общем ее виде, в конкретных же ситуациях она долго еще будет воспроизводиться вновь и вновь, и каждый раз в новом и неожиданном повороте, а потому простого готового решения для каждого частного случая конфликта между «умом» и «совестью» нет и быть не может.
36. Только разобравшись конкретно, откуда возник сам конфликт, можно решить его диалектически, то есть максимально умно и максимально гуманно, как говорят теперь — найти «оптимальный вариант» согласования требований и ума и совести.

Конец текста